

ЛАТГАЛЬСКАЯ РУКОПИСНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

АЛЕКСЕЙ АПИНИС

Восточная часть Латвии — Латгале — во второй половине XIX века входила в состав Витебской губернии. Циркуляр от 6 сентября 1865 г. о запрете латинского шрифта в Северо-Западном крае был распространен и на Латгале. На сорок лет там наступил книжный голод, так как вне царской империи у латгальцев не было соотечественников, которые могли бы снабжать их книгой, а издания других частей Латвии — Видземе и Курземе — им были трудно доступны ввиду особенностей языка (литературный язык на базе среднелатышского диалекта весьма отличался от привычного в Латгале верхнелатышского диалекта), шрифта (фрактур) и конфессиональных отличий (в Латгале господствовал католицизм, в других частях Латвии — лютеранство). Немногочисленные латышские книги, напечатанные по инициативе администрации кирриллицей, не расходились в народе, как и в Литве. Правда, литовские книгоноши, время от времени возили в Латгале латгальские контрафакции из Восточной Пруссии (молитвенники и азбуки), но их было очень мало.

Как в экономической и общественной, так и духовной жизни Латгале отставала от Видземе и Курземе. К концу века грамотных среди латышского крестьянства Латгале было около 50% (в других частях Латвии — 75—80%). В деревнях латгальских латышей сохранилось еще много элементов патриархального быта (большин-

ство городского населения составляли люди других национальностей — поляки, евреи, русские).

В таких условиях в Латгале развивалась крестьянская рукописная литература¹ (некоторые зачатки рукописной книжности можно проследить еще в первой половине XIX века). Умельцы-«книжники» (grōmatniki) подправляли, дополняли старые изношенные печатные экземпляры, сочиняли сами, переписывали и распространяли в виде рукописной книги тексты различного содержания. Писали для себя, для родственников и друзей, а также по заказу за плату. Один из книжников А. Юрджс в письме сообщает: «Я переписал одну книгу для Ионитса, эта работа стоит 4 рубля; я отдал за 2 рубля, но денег от него еще не получил». Следовательно, существовали определенные нормы оплаты, что указывает на весьма большой масштаб деятельности книжников.

Латгальская рукописная литература тесно связана с фольклором (с его новейшим, так называемым нетрадиционным пластом). Идентичные тексты встречаются как в рукописных книгах, так и во многих записях фольклористов новейшего времени. По-видимому, часть текстов из устного творчества перешла в сферу рукописного распространения, часть — из рукописей в народную память.

Авторы большинства сочинений рукописного репертуара не известны. Проблема авторства еще не существо-

¹ Ссылки на источники, детальные факты см. в книге: Apinis A. Neprasot at[auju.— Rīga, 1987.— 156—179 lpp.

вала. Более важным делом казалось изготовить книгу, поэтому переписчики иногда с гордостью отмечали в ней свое имя. Книжники сознавали общественное значение своего труда. Как их манифест звучит четверостишие:

Es' vasala, grōmatēḡ,
Un tu, mileiḡa spaļveḡa!
Jau reš' rūkā jūs tureiši,
Bet, koļs dzeivs, vīn napamešū.

(Здравствуй, книжечка, /И ты, любимое перышко! /Редко буду держать вас в руке, /Но, пока жив, не брошу.)

Многие сочинения повторяются из рукописи в рукопись, но отличаются деталями, как бывает в устном народном творчестве. При отсутствии возможности публиковаться в печатном виде авторы не могли получить объективную оценку своего труда со стороны общественного мнения, критические отклики, не могли по-настоящему состязаться, учиться друг у друга, друг другу «подниматься на плечи». Поэтому за четыре десятилетия латгальская крестьянская рукописная литература мало менялась, оставалась однородной.

Исследуемые рукописи в настоящее время хранятся в крупных научных библиотеках Риги, некоторые находятся в личной собственности. Значительная часть рукописных книг утрачена, однако по сохранившимся все же можно получить достаточное представление об этой своеобразной отрасли литературного творчества.

Из рукописей, воспоминаний, упоминаний в литературе сейчас известно около 15 имен книжников, но их в свое время было гораздо больше. Полоса наибольшей активности изготовления рукописных книг на карте Латгале располагается в ее средней части, в бывших волостях Баркава, Варакляны, Гайгалава, Наутрены, Макашаны. Наиболее известный книжник А. Юрджс написал для своей семьи

не менее 34 книг (некоторые объемом свыше 1200 страниц), количество экземпляров изготовленных им на заказ за плату, не известно.

Собирание и изучение рукописей началось в 20-е годы нашего века. Некоторые литературоведы пытались обычными методами характеризовать творчество отдельных авторов, однако анонимность текстов делала такой подход мало результативным. По-видимому, следует применять другой метод, успешно использованный при изучении рукописной крестьянской литературы XVIII—XIX веков других частей Латвии: все тексты рукописей рассматривать как единое циркулирующее целое, созданное коллективным творчеством. На таком фоне отчетливее выделяются индивидуальные особенности отдельных выдающихся личностей.

Большинство сохранившихся рукописей содержит религиозные сочинения, но и они с точки зрения литературоведения представляют большой интерес.

Рукописные религиозные тексты не являются копиями печатного стандартного молитвенника и сборника песнопений. Ядро религиозных рукописей — группа текстов, которая впервые встречается в книге А. Юрджс 70—80-х гг. Переписывая еще раз эту группу в 1908 году, А. Юрджс добавил примечание: «Не забывайте обо мне и о других благодетелях, которые мне помогли перевести эти песни, молитвы, литании с другого языка на наш язык». В 90-е гг. эта группа текстов была включена в своеобразную контрафакцию „Jauns brvežyķs tercyaŗskais“ («Новый бревнарий для терциариев»). Можно предположить, что эти переводы с польского были выполнены крестьянами по инициативе А. Юрджса, распространились в народе и впоследствии были использованы органи-

заторами «Бревнария» для пополнения своего издания.

В религиозных рукописях много текстов, которые на верующего должны действовать не только своим содержанием, но, главным образом, звучанием, пением, повторами. Но в вышеупомянутой группе можно выделить ряд песнопений, которые действуют именно своим смысловым содержанием. Это в первую очередь стихи морализирующего характера. Тонотом вдумчивой медлительной народной речи они утверждают постулаты общечеловеческой нравственности. Большой интерес представляют длинные песнопения полуполюкзорного оттенка (они сконцентрированы в циклах рождения и страстей Христовых). Пример: птицы, узнав о рождении Христа в Вифлиеме, летят туда приветствовать младенца и беседуют между собой:

„A, jo byus ti vēl žbanā kas,
Dūs ti gon mums dzert da vaļas?“ —
„Dzērve ar goru koklu
Dzers gon labi olu,
Dūs un mums, dūs un mums“

(«А если в жбане еще что останется, /Дадут ли нам пить вдоволь?» — /Журавлю длинношеему /Хорошо будет пить пиво, /Дадут и нам, дадут и нам.») Некоторые стихотворения по характеру напоминают наивные, сделанные крестьянскими руками деревянные фигурки, хорошо известные как в Латгале, так и в Литве. В других рукописях присутствуют несколько явно апокрифических песнопений, которые не могли быть признаны официальной церковью.

В латгальских светских сочинениях господствует художественное мышление и в отличие от рукописной литературы Видземе и Курземе почти полностью отсутствуют публицистические элементы. Преобладает поэзия в виде рукописного сборника стихов, прозаические сочинения почти не встречаются.

Причины преобладания поэзии, как мы их понимаем, постараемся объяснить ниже. И еще одно отличие от литературы других частей Латвии — силлабическая (а не силлабо-тоническая) система версификации.

В рукописях много стихотворений, переписанных или переработанных из популярного печатного латгальского календаря 60-х годов „Inflantuzemes laikagromota“ Очевидны и заимствования из польской и русской литературы, но их источники точно установить очень трудно, так как латгальские книжники использовали не шедевры поэзии, а «сублитературу» — застольные, хороводные, шуточные песни, городской фольклор и т. д., которые в польском и русском литературоведении еще не были полностью зарегистрированы и достаточно изучены.

Однако следует учесть, что в деятельности книжников переписывание, перевод, локализация текстов, оригинальное сочинительство сливались в единый творческий процесс. Даже в выборе копируемого или переделываемого сочинения уже кроется творческий момент: перевод или адаптированное стихотворение воздействовали на сознание читателей и слушателей точно так же, как и оригинальные.

Среди доминирующих мотивов латгальской светской рукописной поэзии четко выступает дидактическая нить — от прямых наставлений девушкам беречь свою честь, а парням воздерживаться от алкоголя до прославления прилежности и почтительности.

В природе все гармонично, описываются только закономерные, а не чрезвычайные явления. В стихи о природе вплетаются изображения повседневного крестьянского труда. Люди пахут, сеют, собирают урожай, ездят в лес по дрова. Эта тема иногда развернута до широкой панорамы.

Другая группа мотивов — быт. Например, приходят гости, вежливо бе-

седуют с хозяевами, их потом провожают с добрыми пожеланиями. Записано в книгах несколько интересных «Песен свата». Одна из них — маленькая жанровая картинка — подробно воспроизводит весь церемониал, начиная с торжественной понюшки табаку. Когда родители девушки со сватом уже договорились, а она сама еще якобы сомневается, отец ее уговаривает:

„Cu, meiten, narunoj daudzī,
Taidy pošy tī ir ļauds,
Taidu pati dorbu strōdoj,
Taipāt un ab dzeivī gōdoj“.

(«Не говори, доченька, много, /Это такие же люди. /Занимаются таким же трудом, /Так же пекутся о жизни») А в свадебных песнях кипит веселье.

Некоторые книжники полюбили юмор. Особенно достается пьяницам.

Es pidzēru brandīvīna,
Atsigulūs uz mēsliņa.
Ok, nazyna ļaudaveņa,
Kad es guļu uz mēsliņa.

(Я напился водки, /Лег на кучу навоза /Ах, не знает невестушка, /Что я лежу на куче навоза.)

Глубоко прочувствованы стихи о любви молодых людей.

Но и темная сторона жизни хорошо знакома. Солдату на чужбине слезы будут напитком, скорбь — хлебом. Мать в отчаянии рыдает у гроба ребенка. Осиротевшая невеста просит землю открыться, доски гроба подняться, чтобы покойный отец мог ее благославить.

Так в стихах вычерчивается линия человеческих отношений; они рисуются деликатно, без интимной болтовни, копания в чужой душе.

Когда вчитываешься в эту поэзию, становится ясным, что для книжников и их читателей главным было само течение жизни: они стремятся вскрыть его смысл. Поэзия эта обращена во-

внутрь: историческая эпоха, географическое пространство не имеют значения. Реконструируемый тип читателя более заинтересован в переживании чувства и фантазии, чем в деловой и формации или рациональном уяснении мыслей и идей. Причину этого мы видим в изолированной жизни латгальских крестьян, замкнутой в пределах патриархальной семьи и деревни.

А отражение социальных отношений?

В некоторых рукописных сборниках повторяются и варьируются стихи на темы «Приятна жизнь крестьянина», «Песенка о счастье крестьянского двора» и т. д. Акценты в них расставлены таким образом, что эта тема выражает не покорное примирение с униженным социальным положением, а чувство собственного достоинства, сознание значимости крестьянского бытия. Нет никакого примирения с эксплуатацией. В сборник, который по имени владельца именуется «Книгой Ионьса Сейльса», анонимные переписчики поместили стихотворение «Войчик малый». Войчик упрекает господ за то, что люди должны на них работать, а те все это добро пропивают и проигрывают в карты.

Jōmērst bodu, nadūd maizis;
Paproš— peicka tiks nu reizis.

(Умираешь с голоду, а хлеба не дают; /Попросишь — сразу попадет кнутом).

А. Юрдж переписал стихотворение, сочиненное в момент отмены крепостного права в 1861 или 1862 году:

Nastrōdōsim kungu lauku —
Natur vini uz mums spēku.
Myusu sirdim prīcōšona,
Kungu sirdim nūskumšona.

(Не будем работать на господских полях — /Не имеют они власти над нами. /Нашим сердцам радость, /Господским сердцам — печаль.)

Латгальские книжники создали свое мировоззрение, независимое от официальных указаний. Человеческая жизнь вплетается в великий ритм существования мира и природы, человеческие судьбы — в бесконечную спираль счастья и несчастья. Поэты влюблены в свой повседневный труд хлебопашества, поют ему гимн, воспевают культуру человеческих отношений, созданную вековыми традициями. Никаких психологических выходов, все без спешки, но неотступно занимают нужными делами. Свою скромную среду, повседневный поток привычных дел книжники подняли на высоту объекта литературного отражения, поэзии, на высоту великих закономерностей.

Думается, что этой поэтизацией будничного, обыкновенного объясняется и отсутствие прозы в латгальских рукописных книгах: на высоту поднять могла песня, поэзия, но не такая проза, какая была бы под силу изолированному от культурного мира крестьянским книжникам.

Над однотипным репертуаром анонимных книжников возвышаются две наиболее яркие личности.

Одна из них — Андриис Юрджс (1845—1925) из волости Наутрены. Он стремится глубже осознать свое существование (к концу жизни написал несколько сотен афоризмов), заполнить его высшими человеческими ценностями. На очень высокой ступени его ценностной шкалы находятся знания, образование, учеба, книга. В ряду оригинальных произведений А. Юрджса (их можно выделить по фактологическим и психологическим признакам) отметим два стихотворных цикла семейной тематики, где строгий моралист открыл необыкновенно нежную для мужчины душу. Другая группа — любовные стихи. Чувства А. Юрджса просты, он не знает столкновений противоположных эмоций, сомнений; чувства выражены общими сентименталь-

ными представлениями и фразами. Для других частей Латвии это был уже пройденный этап, для Латгале — свежая новость, новый жанр: любовная лирика. Кругом — в общелатышской, польской, русской литературе — индивидуальное начало уже давно восторжествовало, и А. Юрджс также стремится к исповеди. Но ситуация в своем роде трагична: он не в состоянии быть до конца откровенным, он может быть только таким, какого требует и ожидает общество. (Думается, в рукописной литературе, которая предназначалась узкому, частично лично знакомому кругу читателей, полная интимность вообще невозможна).

А. Юрджс регулярно покупал книги в Риге, в его стихах много отдельных мотивов общелатышской литературы. Под влиянием интереса деятелей латышской культуры Видземе и Курземе к фольклору А. Юрджс собрал и записал множество народных песен. Его язык более «книжный» по сравнению с другими латгальскими авторами. Словом, в творчестве А. Юрджса чувствуются веяния «большой литературы». Но опять противоречие: ограниченность его таланта и уровня восприятия оказалась большим, почти непреодолимым препятствием в деле широкой и плодотворной трансплантации достижений общелатышской литературы на латгальскую почву. Тем не менее А. Юрджс был новатором для Латгале, как в смысле влечения к индивидуальному началу, так и своей тягой к литературным ценностям, созданным в других частях Латвии.

Друг и земляк А. Юрджса Питерс Милглиникс (1850—1883) получил образование в городской школе и поэтому свои записи по-латгальски делал русскими буквами, он выступал в суде против помещика в защиту прав крестьян, в тюрьме заболел туберкулезом и скончался 33 лет от роду. Его наследие невелико — в свое время цир-

культивировала тетрадь с приблизительно 10 стихотворениями. Сейчас ее местонахождение неизвестно, приходится довольствоваться одним объемистым стихотворением в копии А. Юрджа и несколькими цитатами из работ литературоведов 20 и 30-х гг. И все же эти немногие памятки заслуживают самого пристального внимания.

В своих стихах П. Миглинникс (явно под влиянием русской прогрессивной культуры) выступает против несправедливости:

Uz pasaŭļa laima ira, toļķa na
 dēļ vysu;
Uz pasaŭļa pīca ira, toļķa na
 dēļ myusu.
— — — — —

Na brovī durit nataisneibai, a
 taišņi pošā aci!

(На свете есть счастье, только не для всех; /На свете есть радость, только не для нас. /— — Не в бровь колите несправедливости, а прямо в глаз!)

В других строчках П. Миглинникс выразил чувство тесной общности со своими соотечественниками:

Maņ pateik byut kūpā ar brōlim
 un mōsom,
Maņ pateik līt svīdrus un asņi
 par jim.

(Мне нравится быть вместе с братьями и сестрами, /Мне нравится лить пот и кровь за них.)

Рига

Протест П. Миглинникса был осознанным, его жизненная позиция — активной. Стихи прямо выражали неприемлимое отношение к существующим порядкам, призывали к борьбе за справедливость. Они являются гордостью всей латгальской рукописной литературы: на ее почве вырос революционер-демократ.

Латгальская светская рукописная литература — подлинное начало литературной жизни этого края. В Видземе и Курземе латышская письменность первоначально долгие столетия находилась в руках прибалтийско-немецкой интеллигенции, социально и национально чуждой народным массам. В Латгале же движущей силой были представители самого народа, крестьянства, инициатива «снизу». Поэтому начало литературы здесь было более примитивным, но и более близким к условиям жизни, интересам, психике, ценностям адресата — простых читателей. Вся литературная активность в сущности была протестом, даже и в той части, где нет прямого выражения неудовлетворённости, протеста против власти имущих и их политики.

Не будет преувеличением утверждение, что в Латгале в период запрета печати рукописная литература была лучом света во власти тьмы: книжников там заслуженно называют крестьянскими Прометейми.

Статья вручена в декабре 1986 г

HANDSCHRIFTLICHE LITERATUR IN LATGALE IN DER ZWEITEN HALFTE DES 19. JAHRHUNDERTS

ALEKSEJS APĪNIS

Zusammenfassung

Während der Periode des Druckverbotes 1865—1904 blühte in Latgale (Lettgallen — östlicher Teil Lettlands) die von Bauern geschaffene Literatur in Form von handgeschriebenen Büchern auf. Sie enthielten ein kollektives anonymes, von einer Gegend zur anderen zirkulierendes Repertoire — originale und von gedruckten Büchern abgeschriebene sowie übersetzte oder lokalisierte Werke. Viele davon gingen später in neuere Schicht der Folklore über (oder sie sind aus dieser Quelle geschöpft worden). Ein großer Teil dieser handgeschriebenen Bücher ist religiösen Inhalts. Literarisches Interesse lösen die von Folkloreelementen und volkstümlicher Auffassung durchdrungenen geistlichen Lieder aus. Die Literatur weltlichen Inhalts besteht fast ausschließlich aus Poesie — Liedern und Gedichten. Dominierend sind didaktische Motive,

Natur, alltägliches Leben und Arbeit des Bauern sowie Humor und auch dunkle Seiten der menschlichen Existenz fehlen nicht. Es gibt auch Lieder über böse Adligen — Ausbeuter der Bauern. Über solchen kollektiven Hintergrund ragen zwei Persönlichkeiten mit ausgeprägteren Charakterzügen hervor. Andrivs Jūrdžs strebt sich nach dem Ausdruck individuellen Gefühls, er übernimmt in seine Bücher manche Elemente der „großen“ Literatur anderer Teile Lettlands. Pīters Miglīns drückt bewußten Protest gegen soziale Ungerechtigkeit aus. Die Verfasser der handschriftlichen Literatur in Latgale äußern ihre eigene, von offiziellem Standpunkt unabhängige Weltauffassung, sie bringen ihr alltägliches Leben auf die Höhe der literarischen Darstellung, der großen Gesetzmäßigkeiten.